

ЭТНОГРАФИЯ

М.Б. Гимбатова

**БРАК И СЕМЕЙНО-ПРАВОВЫЕ ОТНОШЕНИЯ У ТЮРКОЯЗЫЧНЫХ
НАРОДОВ ДАГЕСТАНА В XIX – НАЧАЛЕ XX В.**

Важным и серьезным шагом в жизни людей во все времена являлось вступление в брак. У тюркоязычных народов Дагестана в исследуемый период состоявшимся человеком считали того, кто имел крепкое хозяйство, дружную семью и много детей. В народе говорили: «Правильно жениться – уже пол дела», поэтому устройством брака своих детей родители занимались едва ли не с самого их рождения, так сказать с колыбели. Такая форма брака в этнографической науке получила название «люлечного сговора», которая бытовала в Дагестане повсеместно (Гаджиева С.Ш., 1985. С. 338). О существовании подобной формы брака у исследуемых народов свидетельствуют и данные фольклора. Так, например, в кумыкской свадебно-обрядовой песне поется:

*«Бешигинде магъа айтылгъан,
Беи яшинда гелеиген,
Он бешинде отавума гелтирген...».*

*Помолвленная за меня в колыбели,
Засватанная за меня в пять лет,
В пятнадцать лет привезенная ко мне (Аджиев А.М., 2005. С. 150).*

А герой ногойской народной поэмы «Азавнур» был обручен с девушкой еще в младенчестве:

*«Бесигимде сени минен бегистим,
Он ясымда сени минен таныстым.
Он бесимде бир ястыкта бас костым».*

*В люльке обручили с тобой,
В десять лет познакомились с тобой,
В пятнадцать лет на одну подушку легли с тобой.*

У ногойцев сговор между семьями о сватовстве мог произойти еще до появления детей на свет. Как правило, два друга в знак особого уважения друг к другу еще до рождения находящихся в утробе матери детей сговаривались об их обручении, разумеется, если они будут мальчиком и девочкой (однополые становились названными братьями или сестрами). Эта форма брака у ногойцев называлась «бел къуда» (букв. бел. – поясница, къуда. – сват) (Керейтов Р.Х., 2009. С. 287).

Нередко выбором невесты для сына занималась сама мать. Прежде чем посвататься к девушке, она наблюдала за ней, интересовалась ее семьей. Большое внимание будущая свекровь обращала на хозяйственные способности матери девушки, ее расторопность, ловкость, умение вести домашнее хозяйство, содержать в чистоте и порядке дом. В народе до сих пор считают, что дочь похожа на свою мать. Сравнивая девушку с матерью, ногойцы говорят: «Анадынъ коьр де кызын ал, аягын коьр де асын иш» (Посмотрев на мать – возьми дочь, посмотрев на чашку – ешь), кумыки – «Анасына къараб къызын ал, арбасына къараб хызын ал» (Посмотрев на мать – дочь возьми, посмотрев на след от колес – арбу купи) или же – «Анасына къараб къызын ал, чарыгина къараб бизин ал» (Посмотрев на мать – дочь возьми, посмотрев на чарыки (вид кожаной обуви) – шило попроси), дагестанские азербайджанцы – «Анасына бах – гызын ал, шарахуна бах безин ал» (Посмотрев

на мать – дочь возьми, посмотрев на обмотки – чарыки надень), терекменцы – «*Анасы чихан тереге, баласыда чихар*» (На то дерево, что забралась мать, и дочь взберется). Аналогичные выражения бытуют и у других народов Дагестана и Северного Кавказа. Так, карачаевцы говорят: «Приглянись к матери и женись на дочери» (Смирнова Я.С., 1983. С. 48), чеченцы – «Выбирай невесту при дневном свете с фонарем», «Если тебе девушка по душе, обязательно постарайся узнать свою будущую тещу до свадьбы, дочь будет капля в каплю похожа на свою мать» (Батукаев М., 2006. С. 136). Подобные представления о дочери как о продолжении матери существовали еще со времен античности, когда особым почитанием пользовались три богини: мать (Рея), женщина (Деметра) и дочь (Персефона). Хотя импозантный, бородатый, кудрявый, царствующий над всем и вся Зевс является отцом Персефоны, она для мира – не дочь отца, а дочь своей матери. С матерью целиком и полностью связана ее судьба. Эти двое – символ непрерывного продолжения жизни; дочь – это возродившаяся мать. Богиня – мать с ее беззаветной любовью отвечает глубочайшим чаяниям человека; она символизирует одновременно родину, дом, семью, безопасность, тепло и пищу. То же природное чувство переносится и на дочь. Она – продолжение, она – то же, что и мать (Вардиман Е., 1990. С. 57–58).

Если мать не обладала необходимыми качествами хорошей хозяйки, то ее дочь старались не брать за сына. На этот счет у ногайцев бытовало мнение: «*Сыйырдан ат туммас*» (У коровы лошадь не родится). «На дрянной колючке цветов не вырастет», – говорили и горцы Дагестана (Магомедов Р.М., 2005. С. 380).

О девушке расспрашивали и у соседней. Так, ногайцы придерживались следующей народной мудрости: «*Атасы мактаганды алма, авылдасы мактаганды салма*» (Хваленую отцом не бери, хваленую соседями не бросай).

Мать старалась составить и собственное мнение о девушке, для этого она шла на всевозможные хитрости. Так, например, дагестанские азербайджанки и терекменки ходили к роднику и наблюдали, как девушка стирает паласы, одежду, как набирает воду в кувшин. Женщина могла поручить девушке что-нибудь постирать, сославшись на свою занятость, зайти под любым предлогом в дом, где жила девушка, и посмотреть, чисто ли в доме, как в нем встречают гостей, как подают на стол, почитают ли взрослых в этой семье.

Кумычка наблюдать за девушкой отправлялась к общественным печам, где она присматривалась, как та выпекает хлеб, аккуратна ли в работе, вступает ли в разговор с взрослыми женщинами по собственной инициативе, уважает ли старших. Нередко женщина прибегала и к разным хитростям, о которых существует много преданий, вот одно из них: «Однажды женщина в поисках хозяйственной невесты для своего сына обратилась в несколько домов, где жили девушки на выданье. Она просила у них дать ей немного теста, что остается на дне корыта после замеса, объяснив, что это необходимо для того, чтобы испечь лепешку для заболевшего сына. Девушки, старательно выскоблив дно корыта, принесли ей тесто, а одна улыбнувшись, ответила, что никогда ничего на дне корыта не оставляет. Выслушав девушек, мать решила, что самой хозяйственной, бережливой и аккуратной из них является та, что не оставляет теста в корыте и остановила свой выбор на ней».

У ногайцев на этот счет бытует другое придание. «Однажды отец в поисках хозяйственной невесты для своего единственного сына отправился в путь на арбе, полной слив. Подъезжая к аулу, он громко сообщал, что меняет мусор на сливы. Услышав это, девушки сбегались с полными ведрами мусора, чтобы обменять их на сливы. В одном ауле он увидел, как одна девушка стояла в стороне от подруг и плакала, что не может обменять мусор на сливы, так как у нее в доме его не бывает, тогда мужчина подошел к ней и стал расспрашивать, откуда она и кто ее родители. От девушки он узнал, что она круглая сирота и страдает от произвола злой мачехи. Мужчина, недолго думая, взял ее за руку, вывел на середину и объявил, что в этом ауле он нашел невесту для своего сына».

Бывало, что женщины кумычки, чтобы убедиться в чистоплотности девушки, просили у нее «*мая*» (дрожжи), если посуда, в которой она держала дрожжи, была чистой, то это означало, что и хозяйка из нее выйдет хорошая.

Нередко женщина под разными предлогами (попросить нитки, наперсток, сито, венник) заходила в дом, в котором жила девушка. Присев на стул, она посылала ее за водой, а сама в это время заглядывала под коврик, если под ним было пыльно, то девушку из этой семьи она не брала.

Если у центральных и южных кумыков, дагестанских азербайджанцев за невестой можно было наблюдать чуть ли ни с раннего детства, так как отдавалось предпочтение бракам внутри одного и того же тухума и одного селения, то у ногайцев все было иначе. Невесту из своего селения ногайцы старались не брать, так как в нем, как правило, проживали представители одного тухума (рода), а браки между родственниками по крови (по отцу), а также внутри рода (урув) до седьмого колена у них строго запрещались. Аналогичный запрет на брак с представителями одного и того же рода существует и у казахов (Народы Средней Азии и Казахстана. 1963. Т.2. С. 434–435). Подобная строгая экзогамия половых отношений между родственниками до седьмого колена наблюдается и у адыгов (Текуева М.А., 2006. С. 15). Следует отметить, что и у засулакских кумыков, в отличие от южных и центральных кумыков, браки между двоюродными и троюродными братьями и сестрами заключались относительно редко. Проф. С.Ш. Гаджиева видит в этом отголосок былой экзогамии (запрета), а также влияние соседей ногайцев-тюменов (Гаджиева С.Ш., 2005. Кн. 2. С. 153).

У ногайцев существовали и брачные ограничения, связанные с искусственным родством, образовавшиеся в результате аталычества, усыновления, побратимства, а также родства, установившегося с членами семей, в домах которых на время свадьбы останавливались жених и невеста (Гаджиева С.Ш., 1979. С. 62). Подобные брачные ограничения существовали и у адыгов (Текуева М.А., 2006. С. 21–22).

Родители и старшие члены семьи в вопросе брачного выбора руководствовались и соображениями сословной принадлежности, общественного престижа тухума, имущественными интересами (См.: Гаджиева С.Ш., 1985. С. 144; Алимova Б.М., 1989. С. 11–12).

Таким образом, у тюркоязычных народов Дагестана в исследуемое время право выбора невесты принадлежало родителям и родственникам жениха. Но нельзя утверждать, что родители совершенно не считались с чувствами молодых людей, а браков по любви не существовало. Несмотря на всю строгость в вопросах брачного выбора, браки по обоюдному согласию все же заключались. Взаимные симпатии между юношей и девушкой чаще всего возникали на сельских свадьбах, во время коллективных работ, уродника и т.д.

У кумыков чаще всего своеобразный смотр невест молодыми людьми происходил у родника. Самые нарядные платья девушки надевали, когда шли за водой. Утром и вечером это был своеобразный парад принаряженных девушек. Молодые люди могли переброситься с ними тут несколькими словами, обменяться взглядами. Более смелые юноши могли попросить у девушки напиток (Алимova Б.М., 1989. С. 14). Подобные знакомства у родника происходили и у ногайцев.

У дагестанских азербайджанцев и терекеменцев молодые люди знакомились в поле, у родственников, куда хотя бы издали поглядеть на девушек специально отправлялись юноши, которым иногда удавалось обмениваться с ними несколькими фразами. В селениях Хучни и Арак молодые люди знакомились, когда отправлялись за серой глиной *гёк шире* для обмазки полов. Удобным местом для близкого знакомства молодежи были и сады, когда шла массовая уборка черешни и фруктов (Гаджиева С.Ш., 1999. С. 256).

Намного сложнее было встречаться молодым в Дербенте. Увидеть девушку юноша мог только вечером и то тайком. Вот что по этому поводу еще в середине XIX в. писал И.Н. Березин: «Мужчины и женщины в Дербенте довольно хороши собой: женщины ходят здесь уже под покрывалом, и желающие лично убедиться в дербентской красоте должны, как и я, по вечерам лазать на кровлю или сидеть у дербентских фонтанов, куда приходят толпами дербентские девицы и девочки за водой с кувшинами на головах» (Березин И.Н., 1849. Т. I. С. 162).

Свои симпатии к девушке дагестанские азербайджанцы и терекеменцы чаще всего проявляли на свадьбе. Во время танцев, или проходя мимо, парень незаметно для окру-

жающих дотрагивался рукой до понравившейся девушки, что являлось своеобразным знаком особого расположения к ней.

Местом для встреч и проявлений взаимных симпатий для молодежи служили и совместные посиделки для выполнения работ (*булкъя* – кум., *мылка*, *талака* – ног., *кёмек* – азерб., *эврез* – терек.).

Посиделки проходили в чьем-нибудь доме, куда девушки собирались по приглашению хозяйки дома для оказания помощи в очистке кукурузы, обработке овчины, переработке шерсти. Собирались девушки и по собственной инициативе в доме у одной из подруг. Каждая девушка приносила с собой какую-нибудь работу, одна вязала чулки, другая – вышивала, третья – готовила пряжу и т.д. В таких посиделках участвовали и юноши. Последние приходили на посиделки позже девушек и непременно приносили с собой музыкальный инструмент, орешки, арбузные и тыквенные семечки, сладости, сухофрукты.

В перерывах между делом молодежь устраивала танцы, песенные состязания. Так, например, ногайская молодежь, разделившись на две группы, пела:

Кыз: <i>Темир балта сен болып,</i>	Девушка: <i>Если ты станешь топором рубящим,</i>
<i>Шавыт алган сен болсанъ,</i>	<i>Я стану железным плугом,</i>
<i>Темир сабан мен болып,</i>	<i>В землю войду, что будешь делать?</i>
<i>Ерге батсам кайтерсинъ?</i>	

Яс: <i>Темир сабан сен болып,</i>	Юноша: <i>Если ты станешь железным плугом,</i>
<i>Ерге баткан сен болсанъ,</i>	<i>В землю войдешь,</i>
<i>Сегиз оьгиз мен болып,</i>	<i>Я стану семью быками,</i>
<i>Юлкыт алсан кайтереинъ?</i>	<i>Вырву тебя (из земли), что будешь делать?</i>

(Гимбатова М.Б., 2005. С. 119–120).

У южных кумыков юноши и девушки, в своих песнях, не называя имен, как бы в шутку могли признаться в своих чувствах:

<i>«Гече демей, гьун демей,</i>	<i>Ни день, ни ночь,</i>
<i>Гертме демей, чум демей,</i>	<i>Ни дикая груша, ни кизил,</i>
<i>Мен сени хъайинаман,</i>	<i>Я все время думаю о тебе,</i>
<i>Сен турасан иннемей».</i>	<i>А ты все молчишь.</i>

Или же:

*«Мен сени сюйгенедим су алма бараганда,
Гёзлерим сенне кьалды, бир сага кьараганда».*

*Я в тебя влюбился, когда ты шла за водой,
Глаза так и остались на тебе, когда я впервые увидел тебя.*

На совместных посиделках юноша мог попросить понравившуюся девушку принести воды. Если девушка позволяла парню коснуться ее руки, то это означало, что их чувства взаимны, если нет, то это означало, что она не отвечает ему взаимностью.

У центральных кумыков на совместных посиделках парень мог обратиться к понравившейся девушке со словами: *«Айт досум, Патимат»* (Скажи, подруга Патимат). Если парень нравился девушке, то она ему отвечала: *«Айтканын болсун»* (Пусть будет так, как ты сказал), если нет – *«Кьурсагын куллен толсун»* (Пусть твой живот наполнится золой).

Девушки часто пели шуточные куплеты такого содержания:

<i>«Тавлардан тутун чигар,</i>	<i>С гор валит дым,</i>
<i>Комюр гюйдуре бугай,</i>	<i>Видно, печь затопили.</i>
<i>Мен нетеим яхиы улан,</i>	<i>Что мне делать, хороший мой?</i>
<i>Алла сюйдюрер бугай».</i>	<i>Пусть всевышний сделает так, чтобы ты меня полюбил.</i>

Молодые люди, доказывая серьезность своих намерений, проходили и своеобразные испытания, которые устраивались в доме девушки. Так, например, у южных кумыков парень в сопровождении друзей мог прийти в гости к понравившейся девушке, мать или бабушка девушки подавала пустой водоносный кувшин и предлагала сесть ребятам, они в свою очередь передавали кувшин тому, кому нравилась девушка. Он должен был сесть на горловину кувшина и просидеть на нем столько, сколько сможет. Считалось, что чем дольше парень просидит на кувшине, тем сильнее его чувства, а если он не мог выдержать такого испытания, значит, и намерения его не столь серьезны. Надо отметить, что такую проверку выдерживал не каждый, сидеть на узкой металлической горловине кувшина было не просто.

По обычаю юноша не мог себе позволить завести разговор с родителями о желании вступить в брак или назвать имя девушки, на которой хотел бы жениться. Об этом он сообщал одному из своих родственников, друзей или енге (жене старшего брата). Его выбор обсуждался в семейном кругу и одобрялся в том случае, если отвечал всем требованиям, предъявляемым к невесте. Девушка должна была быть трудолюбивой, хозяйственной, сдержанной в проявлении эмоций, доброй, мягкой и кроткой, уважающей и считающей старших, соблюдающая нормы этикета и, что немаловажно, из хорошей, уважаемой семьи.

Обращали внимание и на физические данные девушки. Она должна была быть выносливой, крепкой, способной иметь здоровое потомство, выполнять обязанности по дому.

Следует также отметить, что определенные требования предъявлялись и к жениху: прежде всего он должен был быть хозяйственным, трудолюбивым и способным содержать семью. У азербайджанцев, прежде чем выдать дочь замуж, обращали внимание на обувь жениха. Считалось, что если она у него чистая, то и все дела у него в надлежащем порядке.

Молодой же девушке нельзя было выставлять свои чувства на показ, она их тщательно скрывала от всех и могла поделиться лишь с самой близкой подругой.

Девушек всегда интересовал один вопрос – когда и за кого они выйдут замуж. С этой целью они прибегали к различным гаданиям. Особенно гадание было распространено среди азербайджанок. Вот что по этому поводу писал А. Захаров: «Одно из любимейших занятий молодых девушек (азербайджанок. – *Авт.*), когда они собираются вместе, составляет гадание. Оно состоит в том, что одна из девушек, собрав у присутствующих разные вещи, как например: кольца, ключики, монеты и т.п., прячет их в мешочек или завязывает в платок, который и кладет посередине круга, составленного девушками. Здесь же она сажает маленькую девочку, лицо которой закрывает платком. Девушки по очереди поют куплеты, и после каждого пропетого куплета девочка вынимает какую-нибудь вещь, принадлежащую одной из присутствующих девиц. По пропетому куплету девушки угадывают судьбу» (Захаров А., 1894. С. 121).

С этой же целью вечером молодые азербайджанки выходили на улицу и подходили к чужим окнам, воротам и слушали, какое же поручение хозяин даст своим домочадцам. Если он говорил: «*Къапыны орт*» (Закройте ворота) или же: «*Пенджерени орт*» (Закройте окна), то это означало, что девушка в этом году замуж не выйдет, а если: «*Къапыны ач, пенджерени ач*» (Откройте ворота, откройте окна), то выйдет замуж в ближайшее время.

Южные кумычки гадали с помощью спичек разной длины: вытянувшая самую короткую якобы должна была выйти замуж раньше своих подруг.

Центральные кумычки брали в руки немного фасоли, кукурузы, гороха и трясли в ладонях, затем бросали их на ровное место и распределяли по парам, если без пары оставалось хоть одно зернышко, то это означало, что девушка в этом году замуж не выйдет.

Молодые ногайки гадали на орешках, камушках, бусинках, альчиках, т.е. на том, что может покатиться. Девушки заранее определяли, у кого какая бусинка (орешек, камушек, альчик), затем одна из них трясла предметы в ладонях и бросала на ровную поверхность – чья бусинка дальше других покатится, та и выйдет первой замуж. Вообще у ногайцев, в отличие от других тюркоязычных народов Дагестана, выдача девушек замуж за пределы

своего аула даже приветствовалась. На этот счет у них бытовало следующее выражение: «*Къызды ювукк берсен ювуруп, ювуруп съоз келер, алыска берсен – арба, арба ас келер*» (Если выдашь дочь близко, то примчатся ненужные разговоры, если выдашь далеко, то придут арбы, полные хлеба).

У центральных и южных кумыков, азербайджанцев и терекменцев выдача девушек замуж за пределы родного селения не поощрялась. Дагестанские азербайджанцы и терекменцы говорили: «*Яхшы олсейдин кянтуйда галардын*» (Была бы хорошая, осталась бы в родном селении), кумыки – «*Алтын кесген еринде сыйлы болур*» (Золото ценнее там, где его добывают).

Наши информаторы из с. Верхнее Казанище сообщают, что у них и сейчас приветствуются браки, заключаемые внутри селения. Так, о недавнем браке девушки из с. Эрпели с местным парнем женщины шептались: «Была бы хорошей, нашла бы мужа в своем селении». Подобное отношение к бракам, заключаемым с представителями других обществ, было и у других народов Дагестана (*Гаджиева С.Ш.*, 1985. С. 147–148).

У тюркоязычных народов Дагестана в исследуемое время девушка редко засиживалась дома, как правило, к 15 годам, а бывало и раньше, она обзаводилась собственной семьей. Так, ногайская поговорка гласит: «*Эр бала он бесте отав иеси, кыз бала он уьште бебей иеси*» (Юноша в пятнадцать лет становится хозяином дома, девушка в тринадцать – матерью).

У кумыков, если девушка желала выйти замуж, но по независящим от нее обстоятельствам не могла этого сделать, говорили: «*Нъасибди ачилмай*» (Счастье не открывается), у ногайцев – «*Язув ашылмай*» (Судьба не открывается). В таких случаях ходили к гадалкам (*фалчи* – азерб., терек, *палчи* – кум., *сынши* – ног.), которые проводили различные магические действия, якобы «открывающие» путь к замужеству: писали амулеты, открывали ключами замки, давали пить воду, перемешанную с землей с зияратов или с могилы какого-нибудь известного шейха, отправляли девушек к святым местам.

У тюркоязычных народов Дагестана засидевшуюся девушку за глаза называли старой девой, таких считали гордыми, о них говорили: «Никак цены себе не сложит».

В традиционных обществах Кавказа к старым девам относились по-разному, в одних к ним относились чуть ли не с презрением (*Карпов Ю.Ю.*, 2001. С. 65–67), в других – почитали как святых. Например, у кумыков старых дев, ведущих праведный образ жизни, считали непорочными, святыми. Так, например, наши информаторы из с. Отемиш говорили, что старые девы после смерти отправляются сразу в рай, они якобы избранницы всевышнего.

У дагестанских азербайджанцев и терекменцев с безбрачием девушек не мирились, засидевшихся девушек старались выдать замуж хотя бы за старика или вдовца. Наши информаторы сообщают, что в старину старая дева, желая выйти замуж, надевала темные одежды, закрывала лицо платком и под покровом ночи выходила на крышу дома и кричала во всеуслышание: «*Армиров, армиров!*». Как правило, соседки догадывались, чей это голос, и старались как можно быстрее устроить личную жизнь девушки.

Таким образом, если у парня была хоть какая-то возможность жениться по любви, то у девушки шансов выйти замуж за любимого не было. Любой ее намек на желание выйти замуж за любимого воспринимался родителями как проявление бесстыдства и распутства. «Выбирать себе женихов и даже отказаться выйти замуж за старика или нелюбимого жениха девушка не имела права. Примеры сопротивления родительской воле очень редки; такие девушки ногайцами называются бесстыдницами», – отмечал С.В. Фарфоровский (*Ногайцы Ставропольской губернии. Историко-этнографический очерк*. 1909. С. 56).

В таком же бесправном положении находились и азербайджанские девушки. Вот что по этому поводу писал в свое время А. Захаров: «У девушки нет и не может быть на этот счет воли. Отец может распорядиться ее судьбою по своему произволу, и она должна беспрекословно подчиняться его воле. Даже мать – и та не имеет никаких прав на дочь: «Моя дочь – захочу с водою выпью, захочу с хлебом съем», – говорил татарин (азербай-

джанец. – *Авт.*), решительно отстраняя всякое вмешательство в свои отцовские права» (Захаров А., 1894. С. 125–126).

Итак, анализируя все вышеизложенное, следует еще раз отметить, что у тюркоязычных народов Дагестана в исследуемый период одним из самых важных и ответственных моментов в жизни был брачный выбор, который в большинстве случаев зависел от воли родителей.

За брачным выбором следовало сватовство, предшествовавшее главному торжеству – свадьбе. У тюркоязычных народов Дагестана главную роль в сватовстве играли мужчины, женщинам отводилась второстепенная роль. Окончательный сговор, сам обряд бракосочетания, определение даты проведения свадьбы совершался мужчинами, женщины лишь обговаривали количество подарков и приданое. Необходимо отметить, что на протяжении всего подготовительного процесса к свадьбе и на самом торжестве можно наблюдать строгое распределение обязанностей между мужчинами и женщинами. Так, например, мужчины занимались заготовкой дров, разведением огня, забоем скота, приготовлением горячительных напитков (вино *чахыр* – азерб., терек., *чагыр* – кум., кумыс *кымыз* – ног., буза *боза* – кум., ног., водка *аракы* – кум., ног.).

У терекеменцев близких родственников и друзей приглашали накануне свадьбы не в дом жениха, как это принято, а туда, где проходила подготовка к свадьбе. Там мужчины должны были для свадебного стола резать скот. Поэтому им объявляли, что приглашают во двор, где режут скот: «*Сюзю мал кесен ере чагыра*». Здесь же хозяин свадьбы определял ответственных за те или иные моменты свадебного торжества: из числа близких родственников назначались «*ит агаджи*» (отвечал за порядок на свадьбе и музыкальное сопровождение, а также давал разрешение танцевать), «*арак тукен*» (виночерпий), «*нагара зурна сахлаен*» (букв. кормящий музыкантов у себя дома) «*шах*» (тамада и ответственный за денежные сборы), «*язан*» (писарь, ведущий учет денежных поступлений), «*шахлар бахана*» (ухаживающий за шахом). Руководил пиршеством шах (тамада). Как отмечает Б.М. Алимова, у тюркоязычных народов на свадьбе всегда предусматривалась должность тамады, трапезника – ответственного лица за порядок на свадьбе, наблюдающего за процессом трапезы и обстановкой на свадьбе (Алимова Б.М., 2005. С. 93).

Женщин приглашали в дом, где готовили еду для свадебного стола: «*Ат дугян яран гелярсус*». Здесь хозяйка торжества из близких родственниц, соседок выбирала поварих «*кейвянлар*», которые готовили традиционные свадебные блюда – *бозбаиш* (мясной соус), *долма*, *хаса-муса* (мясные чебуреки), *шякяр тыхма* (сладки пирожки с ореховой начинкой), *аиш* (плов), несколько разновидностей халвы (*гъоз гъалва* – ореховая халва, *бал гъалва* – рисовая халва, *тер гъалва* – мучная халва, *умаж гъалва* – халва из мелких крупинок теста), *пахлаву*, *ширин кугъан* (слоеные сладкие лепешки), *шора* (слоеные лепешки с маслом). Кстати, шашлык на свадьбу готовили мужчины, а дружки жениха *гийв нукерлер* подавали на стол.

У тюркоязычных народов Дагестана, как и других дагестанских народов, свадебная обрядность была наполнена всевозможными магическими ритуалами, направленными на обеспечение многодетности и достатка (Гаджиева С.Ш., 1985. С. 236). Так, например, голову невесты осыпали зерном, мукой, орешками, сладостями, мелкими монетами, а под ноги стелили овечью шкуру. Хождение по овечьей шкуре девушкой «расценивалось как выставление напоказ собственных фертильных свойств...» (Карпов Ю.Ю., 2001. С. 101). По всей вероятности, «эти действия были приемами карпогонической, или оплодотворяющей, магии, призванной обеспечить новобрачной плодородие и материальное благополучие» (Гаджиев Г.А., 1986. С. 106). Как объясняет Г.Ф. Чурсин, «разостланная овчина являлась символическим изображением овечьих стад, единственного богатства пастушеских народов» (Чурсин Г.Ф., 1913. С. 131). В результате тесного этнокультурного взаимодействия подобный обряд ввода невесты в дом по свежей бараньей шкуре стали проводить адыги (Мамхегова Р.А., 1993. С. 127), кабардинцы (Студенецкая Е.Н., 1950. С. 179), русское население Северного Кавказа (Чурсин Г.Ф., 1913. С. 131).

Если главными организаторами свадебного торжества являлись мужчины, то в послесвадебных обрядах ведущую роль играли женщины, именно они приобщали невесту к домашнему очагу жениха, давали ей напутствия и советы как вести хозяйство.

У тюркоязычных народов Дагестана порог нового дома невеста переступала правой ногой. У кумыков один из близких родственников, сопровождавший новобрачную в дом жениха, должен был взять руку невесты и ударить по притолоке двери, при этом она должна была ударить не кулаком, а ладонью плашмя. Это означало, что невеста будет подчиняться мужу и тем порядкам, которые существуют в его доме. Если же молодая сжимала кулак, то это означало, что она намеревается взять главенство над мужем и его родственниками. Как правило, невесте препятствовали это сделать, если она сопротивлялась, то ее ладонь разжимали силой. У дербентских азербайджанцев жених перед входом невесты в ворота поднимался на второй этаж дома или на крышу, чтобы быть выше своей будущей жены (Гаджиева С.Ш., 1985. С. 237). У терекеменцев при встрече в первую брачную ночь жених и невеста старались наступить на ноги друг другу, и каждый стремился сделать это первым. Подобные обряды, направленные якобы на обеспечение господства мужа над женой или, наоборот, жены над мужем, существовали и у других народов Дагестана (См.: Гаджиева С.Ш., 1985. С. 237; Смирнова Я.С., 1983. С. 238; Карпов Ю.Ю., 2001. С. 141).

Свекровь встречала невесту медом, чтобы ее жизнь в новом доме была сладкой. У ногайцев угощение невесты медом свекровь сопровождала следующими словами:

<i>«Бал берейим келинге</i>	<i>Дам отведать невестке меду,</i>
<i>Таьтли соьйлеп билсин деп.</i>	<i>Чтобы умела сладко говорить.</i>
<i>Ак табашал тоьсейим</i>	<i>Белую овечью шкуру ей постелю,</i>
<i>Ярык юзли болсын деп».</i>	<i>Чтобы была лучезарной.</i>

Затем она наступала ей на ноги и приговаривала: «*Батып кал*» (Живи в этом доме до глубокой старости).

Первым снять с лица девушки платок должен был мальчик, чтобы молодая невестка рожала только сыновей. У азербайджанцев обряд открывания лица молодой назывался «*уз ачан*», у терекеменцев – «*бет ачан*», у кумыков «*бет ачыв*», у ногайцев – «*бет ашар*».

Следующим послесвадебным обрядом, направленным на закрепление женских социально-половых ролей, было приглашение новобрачной в хозяйственную комнату, где ее знакомили с кругом ее повседневных домашних обязанностей. Так, например, у кумыков после входа молодой в хозяйственную комнату свекровь торжественно вручала невесте сито и корыто, а в с. Башлыкент новобрачной в одну руку давали мед, в другую масло, что символизировало вступление в роль хозяйки нового дома (Алимова Б.М., 1989. С. 48–49). У терекеменцев же руки невесты опускали сначала в муку, потом в масло и мед (Гаджиева С.Ш., 1990. С. 176). В отличие от других тюркоязычных народов Дагестана у ногайцев вступление новобрачной в роль хозяйки дома происходило через приобщение к домашнему очагу, этот обряд получил название «*бет йылытув*» (букв. согревание лица). Пожилая, уважаемая женщина грела ладони на огне и гладила ими лицо невесты, как бы приобщая ее к семейному очагу мужа (Гимбатова М.Б., 2007. С. 164). И одновременно давала ей наставления, высказывала пожелания быть хорошей хозяйкой, помощницей свекрови, беречь и любить новый очаг. Обряд приобщения к семейному очагу входит в цикл послесвадебных обычаев почти всех дагестанских (Гаджиева С.Ш., 1985. С. 265) и северокавказских народов (См.: Смирнова Я.С., 1983. С. 61; Текуева М.А., 2006. С. 30–31). Сценарий его проведения у большинства народов имеет схожие черты. В нем, по мнению Г.Ф. Чурсина, нашел свое отражение также культ предков (Чурсин Г.Ф., 1913. С. 158), который высоко почитался у кочевников и на Кавказе. Следует также отметить, что во многих культурах огонь ассоциировался именно с образом женщины-матери. Так, у азербайджанцев, терекеменцев и южных кумыков подружки невесты (*ангеляр* – азерб., терек., *кьуда-кьызлар* – кум., *кьыймаслар* – ног.) несли в дом жениха зажженную лампу. Здесь следует отметить, что у тюркоязычных народов Дагестана семейное благополучие

девушки/женщины было связано именно с огнем. Так, у терекеменцев считалось плохим предзнаменованием, если лампа невесты по дороге к дому жениха затухнет, полагали также, что не будет счастливой семейной жизни в новом доме, если вслед за невестой разбросать пепел.

У ногайцев хранительницей домашнего очага являлась богиня Тамыз–Искры, которая оберегала семью от разных невзгод. Существовало поверье, что счастливых семьях Тамыз выглядела молодой, красивой и веселой, а там, где царил разлад, Тамыз выглядела старой и угасающей, как домашний очаг (*Гимбатова М.Б.*, 2005. С. 86–87). Подобные сравнения женщины с домашним очагом существовали и у горцев Дагестана, они сравнивали мать с лампадой, которая горит на почетном месте в доме, в красном углу (*Гаджиева С.Ш.*, 1985. С. 111), а у чеченцев бытует выражение: «*Цина нана*» – «Мать дома» (этимологически «мать огня, очага») (*Батукаев М.*, 2006. С. 137).

Очередным этапом социализации новобрачной было проведение обряда «хождение за водой» («*сува чыхаран*» – азерб., «*сува чыгара*» – терек., «*сугъа чыгъыв*» – кум., «*суга шыгув*» – ног.). После этого обряда пространство невесты значительно расширилось, она получала право выхода на улицу, посещать общественные праздники, похороны и другие сельские мероприятия. Обряд хождения за водой имел широкое распространение и у других народов Дагестана (*Гаджиева С.Ш.*, 1985. С. 267–268) и Северного Кавказа, а также у русских Виленской губернии и у болгар (*Чурсин Г.Ф.*, 1913. С. 136).

Обряды приобщения к домашнему очагу и хождения за водой у большинства народов не только проводились с целью ознакомления новобрачной с новыми социально-половыми ролями, но и были вызваны еще безграничной верой людей в магическую силу огня, воды, способную отогнать злых духов и в то же время проводились с целью умилования духов огня и воды. Следует также отметить, что появление свадебных обрядов должно было разорвать связи женщины с родительским домом и приобщить ее к новой семье и ее духам-покровителям (*Вардиман Е.*, 1990. С. 310).

Подобное приобщение к семейному очагу происходило и у жениха. Так, например, у ногайцев новобрачный после свадьбы некоторое время избегал родителей, не заходил в дом через дверь, а проникал внутрь через окно. Лишь после уговоров старших родственников прекратить избегания молодой переступал порог своего дома с опущенной головой, надвинув на глаза папаху. Кстати, подобные избегания жениха родителей имели место и у кумыков, они могли продолжаться от нескольких дней до одного месяца.

Цикл свадебных и послесвадебных обрядов давал новобрачным целостное представление о гендерных ролях, содержании мужского и женского труда, их социально-половых ролях и функциях в семье.

С вступлением в брак молодые люди не только приобретали новый статус, но и становились полноправными субъектами **семейно-правовых отношений**. Регулятором этих отношений у тюркоязычных народов Дагестана в исследуемый период выступали адаты. Согласно адатам свои права на жену мужчина мог проявить уже с первых дней семейной жизни. У исследуемых народов, если девушка оказалась не невинной, то жених выгонял ее через окно, а родители жениха сажали ее на черного осла задом наперед, накидывали сверху черную бурку, вручали поводья наставнице (*бёюк энге* – азерб., терек., *енъге* – ног., *къуда къатын*, *абай къатын* – кум.) и с позором отправляли назад к родителям. У южных кумыков о том, что невеста оказалась нецеломудренной, давали знать еще выстрелом из ружья. В тот день, когда в селении играли свадьбу, во избежание недоразумений в близлежащих селениях не стреляли. Опозоренная девушка, как правило, домой не возвращалась, а скрывалась у родственников своей наставницы, так как в родительском доме ее ожидала верная смерть от руки отца или братьев. Подобные позорящие наказания к нецеломудренным невестам применялись и у других народов Дагестана (*Гаджиева С.Ш.*, 1985. С. 247–248). Столь же нещадно с такими девушками в XIX – начале XX в. обходились и у русских (См.: *Пушкарева Н.Л.*, 2009. С. 120–130).

Особенно строги были адаты к лицам, совершившим прелюбодеяние, так как одной из важнейших задач общества было охранение традиционных религиозно-нравственных

устоев семейного быта. За прелюбодеяние женщина несла большее наказание, нежели мужчина. Так, например, у ногайцев «по доказанности небрачного сношения мужчина оштрафовывался на 50 голов рогатого скота и 2 лошади и лишался гражданских прав, а женщина подвергалась больше нравственному наказанию – «она разводилась с мужем, на ее лицо клали позорное клеймо и сажали верхом на черную корову» (*Джанибеков А.-Х.Ш.* Очерки по истории ногайцев. Л. 41).

У дагестанских азербайджанцев супружеская неверность по адату наказывалась смертью. «Если муж убивал свою неверную жену, то общественное мнение оправдывало это преступление», – писал А.Захаров об азербайджанцах (*Захаров А.*, 1894. С. 148). О наказании же мужчины за подобное деяние здесь ничего не сказано.

У северных кумыков (с. Эндирейаул) женщина, уличенная в прелюбодеянии, подвергалась публичному наказанию: ее сажали на черного осла задом наперед и водили по селению, а разъяренные жители всячески оскорбляли и бросали в нее камнями, порой даже забивали насмерть.

Опозоренную женщину, если она выживала, изгоняли из селения, а если она все же, не выдержав наказания, умирала, то ее хоронили за пределами сельского кладбища, могилу сверху забрасывали камнями, памятник (каменную стелу) над могилой не устанавливали.

У других народов Кавказа супружеская неверность мужчины осуждалась обществом и иногда могла становиться причиной развода, неверность замужней женщины каралась предельно строго (*Карпов Ю.Ю.*, 2001. С. 282).

У тюркоязычных народов Дагестана решающее слово при разводе также было за мужчиной. Развод почти всегда зависел от воли мужа. Жена могла требовать развода только в исключительных случаях. Так, у кумыков жена «могла требовать развода только в двух случаях, если муж не может отправлять своих супружеских обязанностей или если по бедности своей он не в состоянии содержать семейство» (*Гаджиева С.Ш.*, 2005. С. 141).

У дагестанских азербайджанцев жена могла требовать развода, если муж брал вторую жену или же (реже) имел невыносимый характер (*Гаджиева С.Ш.*, 1999. С. 254.), по той же причине могла развестись и терекемка (*Гаджиева С.Ш.*, 1990. С. 166).

У ногайцев женщина могла потребовать развода в том случае, если муж без основания обвинял жену в измене, обижал ее, и это могли подтвердить свидетели. В этом случае женщина могла уйти от мужа и выйти замуж за другого, не возвращая калыма. Если муж не мог исполнять супружеские обязанности, то жена могла доложить об этом эфенди, который давал один год на излечение, если через год результаты были отрицательны, то жена имела право развестись и не возвращать калым (*АКАК.* 1881. Т. 8. С. 777).

В Терекеме если развод происходил по инициативе жены, то она лишалась не только кебинных денег и всего имущества, но еще должна была уплатить мужу 25 рублей «*нешман-пули*» (букв. деньги печали) (*Адаты южно-дагестанских обществ.* 1875. Вып. 8. С.51), а также особую компенсацию – плату за волосы (*Гаджиева С.Ш.*, 1990. С. 166). У кумыков, если женщина требовала развода согласно вышеуказанным причинам, то она лишалась и калыма, и приданого (*Леонтович Ф.И.*, 1883. Вып. 11. С. 200), а «если она желала развода по каким-либо другим причинам, то все имущество поступало в пользу мужа, она лишалась кебина и волос с головы» (*Гаджиева С.Ш.*, 2009. С. 308). Кстати, волос лишалась и ногайка, если муж уличит ее в прелюбодеянии.

Состригание волос у женщины, как один из видов наказания, было не случайным, они составляли ее главное достоинство и честь. Женщина, утратившая волосы, считалась опозоренной, обесчещенной. Мужчина, лишая женщину волос, тем самым демонстрировал свое превосходство над ней, тешил уязвленное самолюбие. Известный кавказовед Ю.Ю. Карпов объясняет это еще и «усилиями, направленными на упорядочение женской стихии, установления контроля над ней» (*Карпов Ю.Ю.*, 2001. С. 101).

Мужчина мог потребовать развода в любое время. Согласно шариатской практике, развод бывает четырех видов: *хуль* (или *хюль'э*), *талак*, *фасх*, *лиан* (*Рахимова Б.Р.*, 2001. С. 46–48).

Одним из самых распространенных в Дагестане был *талак*. Процедура развода начиналась со слова «*талак*» (араб. освобождаюсь), мужчина должен был произнести его

трижды. Для ногайца причинами для развода могли служить бесплодие, неизлечимая болезнь, неверность жены (*Керейтов Р.Х.*, С. 284), для азербайджанца и терекменца – бесплодие жены (*Гаджиева С.Ш.*, 1999. С. 254).

В случае развода по инициативе мужа жене разрешалось забрать с собой приданое и деньги или другое имущество, предусмотренное брачным договором на случай развода или смерти мужа.

В новый брак после развода женщина могла вступить лишь по прошествии четырех месяцев и десяти дней, этот срок назывался *идде*. Женщина не фертильного возраста должна была выждать после развода три месяца. Беременная женщина могла развестись только после родов.

Женщина в течение *идде* находилась в полной зависимости от мужа, без его разрешения она не имела права предпринимать что-либо, что не входило в круг ее ежедневных занятий, и не могла отлучаться из дома. Муж обязан был содержать свою жену, а в случае смерти одного из супругов в период *идде* право наследования за ними сохранялось. Если муж умирал, жена все равно должна была выждать срок *идде*, и лишь затем она могла снова выйти замуж. В течение *идде* мужу предоставлялось право возобновить брак (*Рагимова Б.Р.*, 2001. С. 48).

Если же бывшие супруги хотели вновь сойтись, то жена была обязана хотя бы фиктивно выйти замуж за другого и тут же развестись.

У тюркоязычных народов Дагестана разводы были явлением редким. Для мужчины серьезным препятствием для развода являлся сам брак, который носил характер покупного, для женщины – разлука с детьми. После развода дети, как правило, оставались с отцом. Только ребенок, находящийся на грудном вскармливании, оставался с матерью до достижения двухлетнего возраста, после чего и его возвращали отцу. В знатных же кумыкских семьях если разведенная беременная женщина рожала в доме отца, то она обязана была отправить младенца в дом бывшего мужа, даже ни разу не покормив его собственным молоком, ибо брат или отец не разрешали кормить «чужого» ребенка (*Гаджиева С.Ш.*, 2005. С. 142).

Страх потерять детей не позволял женщине развестись, и ей ничего не оставалось, как терпеть мужа всю жизнь. У кумыков на этот счет существует выражение: «*Атаны тёр яныннан, эрни эцик арты колай*» (Чем в отцовском доме на почетном месте сидеть, лучше у мужа за дверью стоять).

Не желала женщина и иметь дурную славу среди сельчан, получив статус разведенной женщины (*кысыр* (разведенная) – кум., *тул катын* (одинокая женщина), *кысыр пише* (разведенная женщина) – ног., *дул хатын* (разведенная женщина) – азерб., терек.).

У кумыков разведенную женщину и ту, что несколько раз выходила замуж, осуждали, о них говорили: «*санпа турмайган балта*» (топор, который не держится на ручке), «*эр санайган катун*» (женщина, которая считает мужей).

Разведенную женщину за глаза часто незаслуженно называли гулящей – *кахба* (азерб., терек.), *кахба* (кум., ног.), у ногайцев – *эль сугаргъан кахба* (народобеспечивающая).

К детям разведенной женщины относились с некоторым предубеждением. Так, например, у ногайцев говорили: «*Тул катыннын баласы*» (Ребенок одинокой женщины).

У азербайджанцев детей разведенной женщины дразнили во дворе ребята из полных семей. Так, наш информатор Джамалова Гюльбахар из г. Дербента рассказывала: «Однажды сын женщины, которая несколько раз была замужем, прибежал к матери весь в слезах и стал жаловаться, что дворовые мальчишки обижают его и говорят, что его мать уже сбилась со счета, выходя замуж. Мать стала утешать сына и приговаривать: «Сынок, разве много раз я выходила замуж!? Всего то: «Али, Вали, Первали, етти он дан ирали, без атув пампук тутан, рахмату сени атав» (Али, Вали, Первали, а до них еще восемнадцать, да еще продавец бязи, продавец хлопка и, царство ему небесное, твой отец). Итак, женщина насчитала двадцать четыре мужа».

Если же мужчина был склонен к частым разводам, то его за это никто не преследовал и не осуждал.

Заключая вышеизложенное, можно утверждать, что брак и выбор брачного партнера у тюркоязычных народов Дагестана в исследуемый период почти всегда зависели от воли родителей. Молодые до вступления в брак должны были продемонстрировать окружающим свою готовность к выполнению социально-половых ролей и соответствовать гендерным нормам, существующим в обществе. В семейном же праве адаты почти всегда были на стороне мужчин, тем самым подчеркивая их первостепенность в семье и в обществе.

Таким образом, в брачных и семейно-правовых отношениях тюркоязычных народов Дагестана в XIX – начале XX в. господствовали патриархальные принципы, что в целом, учитывая современный опыт, положительно сказывалось на морально-психологическом климате семьи и динамике разводов.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Адаты южно-дагестанских обществ. 1875 // ССКГ. Вып. 8.
Аджиев А.М., 2005. Устное народное творчество кумыков. Махачкала.
АКАК. 1881. Т. 8. Тифлис.
Алимова Б.М., 1989. Брак и свадебные обычаи в прошлом и настоящем (Равнинный Дагестан). Махачкала.
Алимова Б.М., 2005. Пища и культура питания тюркоязычных народов Дагестана в XIX–начале XX в. Махачкала.
Батукаев М., 2006. Этика и этикет народов Кавказа: Чеченский адат // Современный Кавказ. Пятигорск.
Березин И.Н., 1849. Путешествие по Дагестану и Закавказью. Т. I. Казань.
Вардиман Е., 1990. Женщина в древнем мире. М.
Гаджиев Г.А., 1986. Магия в свадебных обрядах у народов нагорного Дагестана // Брак и свадебные обычаи у народов нагорного Дагестана в XIX – начале XX в. Сб. ст. Махачкала.
Гаджиева С.Ш., 1979. Очерки истории семьи и брака у ногайцев. XIX – начало XX в. М.
Гаджиева С.Ш., 1985. Семья и брак у народов Дагестана в XIX – начале XX в. М.
Гаджиева С.Ш., 1990. Дагестанские терекеменцы. XIX – начало XX в.: Историко-этнографическое исследование. М.
Гаджиева С.Ш., 1999. Дагестанские азербайджанцы. XIX – начало XX в.: Историко – этнографическое исследование. М.
Гаджиева С.Ш., 2005. Кумыки: историческое прошлое, культура и быт. Кн. 2. Махачкала.
Гаджиева С.Ш., 2009. Башлы: Историко-этнографическое исследование. Махачкала.
Гимбатова М.Б., 2005. Духовная культура ногайцев в XIX – начале XX в. Махачкала.
Гимбатова М.Б., 2007. Культура поведения и этикет ногайцев в семейном и общественном быту. Махачкала.
Джанибеков А.-Х.Ш. Очерки по истории ногайцев // РФ ИЯЛИ ДНЦ РАН. Ф.28. Оп. 1. Д. 1.
Захаров А., 1894. Домашний и социальный быт женщины у закавказских татар // СМОПК. Вып. XX. Тифлис.
Карпов Ю.Ю., 2001. Женское пространство в культуре народов Кавказа. СПб.
Керейтов Р.Х., 2009. Ногайцы. Особенности этнической истории и бытовой культуры. Ставрополь.
Леонтович Ф.И., 1883. Адаты кавказских горцев. Вып. 11. Одесса.
Магомедов Р.М., 2005. Вековые ценности Дагестана. Махачкала.
Мамхегова Р.А., 1993. Очерки об адыгском этикете. Нальчик.
Народы Средней Азии и Казахстана. 1963. Т. 2. М.

Ногайцы Ставропольской губернии. Историко-этнографический очерк. 1909 // ЗКОРГО. Кн. 26. Вып. 7. Тифлис.

Пушкарева Н.Л., 2009. Позорящие наказания женщин в России XIX – начала XX века // ЭО. № 5.

Рагимова Б.Р., 2001. Женщина в традиционном дагестанском обществе XIX – начала XX в. (роль и место в семейной и общественной жизни). Махачкала.

Смирнова Я.С., 1983. Семья и семейный быт народов Северного Кавказа (вторая половина XIX–XX в.). М.

Студенецкая Е.Н., 1950. О большой семье у кабардинцев в XIX в. //СЭ. №2.

Текуева М.А., 2006. Мужчина и женщина в адыгской культуре: Традиции и современность. Нальчик.

Чурсин Г.Ф., 1913. Очерки по этнологии Кавказа. Тифлис.